

## ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Коротаева, Е. В. Интерактивное обучение: вопросы теории и практики обучения / Е. В. Коротаева // Педагогическое образование в России. – 2012. – Вып. 2. – С. 171–174.
3. Лapidус, Б. А. Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи / Б. А. Лapidус. – М.: Высш. шк., 1970. – 126 с.
4. Пименов, А. В. Управление собственным речевым действием в диалоге (на материале французской разговорной речи): автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук / А. В. Пименов. – М., 1971. – 22 с.
5. Скалкин, В. Л. Коммуникативные упражнения на английском языке: пособие для учителя / В. Л. Скалкин. – М.: Просвещение, 1983. – 128 с.
6. Суворова, Н. Интерактивное обучение: новые подходы / Н. Суворова. – М.: Роспедагентство, 2005. – 110 с.

*M.V. Balko*

### **TEACHING DONBAS STUDENTS TO THE DIALOGUE IN THE RUSSIAN LANGUAGE: PRINCIPLES, DIDACTIC AND PRACTICAL SIGNIFICANCE**

The article is devoted to the analysis of the principles and methods of teaching students of Donbas to the dialogic form of speech. The main attention is paid to the inductive method of teaching dialogue, including pre-communicative, conditional-communicative and communicative exercises. The expediency of using as a material for practical tasks the artistic texts of local authors is emphasized, which contributes to the patriotic education of young people.

*Keywords: dialogue, interactive learning, communication exercises, Donbas.*

УДК 81`42

*И.И. Чумак-Жунь, Л.В. Проскурнина*

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*

### **МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СВОИХ И ЧУЖИХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ПОЭЗИИ)**

Статья посвящена когнитивному исследованию метафорических образов *своих* и *чужих* в художественном дискурсе. Анализируется концепт «Война» в белгородской поэзии. С позиций когнитивной семантики метафорические образы *своих* и *чужих* рассматриваются как средство концептуализации действительности и отражения картины мира, существующей в сознании носителей русской культуры.

*Ключевые слова: художественный дискурс, метафорический образ, концепт, картина мира, белгородская поэзия*

На современном этапе развития когнитивной лингвистики основной ее задачей, по мнению Н.Н. Болдырева, является «изучение языковых форм с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке» [2, с. 5]. Сам термин «картина мира» впервые появился в трудах австрийского ученого Л. Витгенштейна, посвященных исследованиям в области философии и логики: «Картина мира – модель действительности. Картина соответствует или не соответствует действительности; она верна или неверна, истинна или ложна. То, что картина изображает, – ее мысль. Мысль – логическая картина факта» [3, с. 8]. Впоследствии термин проникает в другие науки – лингвистику и литературоведение. Ученые-лингвисты под картиной мира понимают «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [12, с. 4].

Одной из составляющих картины мира является художественная картина мира (наряду с философской, религиозной, мифологической и др.). В научный оборот термин *художественная картина мира* был введен Б.С. Мейлахом: «Художественная картина мира – воссоздаваемое всеми видами искусства синтетическое панорамное представление о конкретной действительности тех или иных пространственно-временных диапазонов» [10, с. 120]. То есть художественная картина мира – это совокупность представлений об окружающей действительности, имеющая субъективный характер. Это связано с тем, что она воспроизводится сквозь призму индивидуально-авторских ценностных установок того или иного художника. В художественном произведении она воссоздается на четырех уровнях: стилистическом, лексическом, композиционном и семантическом.

Художник (в том числе художник слова) пропускает образы действительности через творящее сознание. Факторы, которые определяют специфику художественной картины мира:

- субъективность, связанная с особым художественным восприятием;
- философский характер;
- образная основа;
- панорамное воспроизведение;
- эмоциональная окрашенность.

По словам Е.С. Кубряковой, индивидуально-авторская картина «является важной составной частью общей концептуальной модели мира, то есть совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [5, с. 169].

Индивидуально-авторская картина мира складывается из трех составляющих. Во-первых, это фрагменты общечеловеческой картины мира, то есть нормы и моральные ценности, общепризнанные в мировом культурном контексте. Концептосфера общечеловеческой картины мира представлена такими базовыми единицами, как «Добро» / «Зло», «Любовь» / «Ненависть», «Истина» / «Ложь», «Честь» / «Бесчестие», «Счастье» / «Несчастье», «Мир» / «Война» и т.п.

В.А. Маслова при рассмотрении базовых концептов русской культуры относит концепт «Война» к одним из самым значимых концептов русской языковой картины мира: «...слово *война* существует в языке с древнейших времен и основное значение его не претерпело существенных изменений, лишь со временем добавлялись некоторые переносные значения и коннотации. Значимость данного концепта подчеркивает и наличие значительного числа пословиц, народных примет со словом *война*, обилие характеристик, которые народ дает этому явлению» [9, с. 207].

Таким образом, концепт «Война» занимает важное место в языковой картине мира, в которой, в свою очередь, реализуются универсальные бинарные оппозиции, представленные лексемами *война / мир, зло / добро, смерть / жизнь, свои / чужие*, по-разному репрезентирующиеся в художественном тексте.

Второй компонент индивидуально-авторской картины мира – это национальная картина мира, включающая в себя традиции, обычаи, праздники и т.п. того или иного народа. О.А. Корнилов индивидуально-авторскую картину мира представляет в виде «вербализованной системы «матриц», в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [4, с. 80].

В общероссийском контексте события 5 июля – 23 августа 1943 года воспринимаются как события на Курской дуге, причем при описании данного сражения в общекультурном российском контексте используются номинации *Курская битва / Битва на Курской дуге / Курская дуга; Огненная дуга / Битва на Огненной дуге; Танковое сражение / Битва на танковом поле*. Одна из самых масштабных битв Великой Отечественной войны стала предметом изображения в ряде художественных произведений. Это романы «Полюшко-поле» и «Курская дуга» Виктора Кондратенко, «Танки идут ромбом» Анатолия Ананьева, «Курский излом» Валерия Замулина. В четвертой части «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого речь идет также о сражении на Курской дуге. Храбрости, мужеству и отваге русских солдат, участвовавших в битве на Огненной дуге, посвящен и публицистический очерк А.Н. Толстого «Русская сила». Сборник стихотворений «Третье поле», редактором-составителем которого выступил В.Е. Молчанов, включает в себя стихотворения белгородских поэтов о Танковом сражении под Прохоровкой.

Третья составляющая индивидуально-авторской картины мира – это собственно индивидуальная картина мира того или иного писателя, тесно связанная с его познавательным опытом, с его личным восприятием и осмыслением действительности. Индивидуальная картина мира воспроизводится сквозь призму восприятия автора художественного произведения, включая концепты, характерные именно для данного произведения. Автор в тексте моделирует свою реальность.

Исходя из концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина, индивидуально-авторская картина мира воссоздается писателем:

- а) номинативными средствами языка;
- б) функциональными средствами языка;
- в) образными средствами языка;
- г) фоносемантикой языка;
- д) дискурсивными средствами (механизмами) языка;
- е) стратегиями оценки и интерпретации языковых высказываний, дискурсов, текстов разных жанров, критериями оценки их как образцовых или не образцовых, убедительных и неубедительных, удачных или неудачных и т.д. [12, с. 7].

Именно в творчестве поэтов Белгородчины концепт «Война» («Великая Отечественная война») чаще всего суживается до концепта «Прохоровская битва» / «Прохоровское поле».

Широкую известность поселок Прохоровка Белгородской области приобрел после одного из крупнейших танковых сражений в военной истории 12 июля 1943 года. Не только в России, но и за ее пределами оно известно как Третье ратное поле России (наряду с Куликовым и Бородинским полями): *Три поля России, три поля России, / Как русские гордость, отвага и честь. / Три поля России, три поля России, / Никто нам не страшен, пока они есть* (В. Молчанов); *Кто мог тогда предугадать такое? / Что*

*станет это поле вдруг равно / Победной славе поля Куликова / И мужеству полей Бородино* (И. Чернухин).

Для писателей Белгородчины данное событие номинируется, прежде всего, как *Битва под Прохоровкой (Прохоровское сражение)*. В поэтических произведениях И. Чернухина («Прохоровка. 12 июля 1943 года», «На Прохоровском поле»), Н. Грищенко («Контратака под Прохоровкой»), В. Игина «На Прохоровском танковом поле»), Д. Маматова («Прохоровское поле»).

*Прохоровка, Прохоровская битва (сражение, бой)* активно употребляются не только как иконические знаки (в заглавиях), но и в текстах стихотворений:

*Здесь, под Прохоровкой, в сорок третьем,  
Смерть презрев, по сигналу атаки,  
Шли солдаты наши в бессмертие,  
Становились бессмертными танки.*

(И Чернухин)

*Все смешалось...*

*Которые сутки*

*Рвется к Курску отчаянно враг.*

*Он на Прохоровку*

*В бешенстве жутком*

*Свой нацелил железный кулак.*

(И Чернухин)

*Под Прохоровкой танковое поле.*

*Тревожный пепел ветер разметал.*

(Л Кузубов)

Как заметил Д.С. Лихачев: «Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек – носитель прошлого и носитель национального характера. Человек – часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самую память прошлого, он губит часть своей личности» [6, с. 4].

В многочисленных произведениях – художественных и публицистических – белгородские поэты (И.А. Чернухин, В.Е. Молчанов, Д.А. Маматов, В.С. Михалев, А.К. Филатов и др.) обращаются к этому переломному этапу Великой отечественной войны. Прохоровское поле в их поэзии изображается как место противостояния добра и зла, жизни и смерти, своих и чужих в военном контексте. В поэзии Белгородчины, посвященной Прохоровской битве, базовым является концепт «Война». В индивидуально-авторской картине мира поэтов Белогорья он моделируется посредством актуализации бинарной оппозиции «свои/ чужие», отражая особое авторское видение.

Базовые ментальные стереотипы *свои (мы)* и *чужие (они)* находятся в постоянной оппозиции друг другу. *Свои*, как правило, воспринимаются положительно, отношение к *чужим* может быть разным: от воинственного неприятия до спокойного понимания его особенностей. Однозначно враждебно воспринимаются *чужие* на войне. Это враги.

В стихотворении Д. Маматова «Бой за церковь» *чужие* ассоциируются с агрессией и угрозой: *Словно с ведома сатаны, / Бьют по церкви прямой наводкой; Под снарядный утробный свист; От разрывов дрожит алтарь.*

Уже в названии определяются основные концептуальные зоны («Война» и «Религия»), которые пересекаются в тексте, причем религия представлена здесь как элемент православия – традиционной веры русского народа (*рублевский мир*), а сам текст построен как развернутая метафора: бой за церковь – бой за веру Христову.

Противопоставлены номинативные средства, которыми представлены враждующие силы. С одной стороны, это *сатана, мышинные чужие мундиры*, с другой – это *Христовы раны, веций колокол, божий храм, библейские лица, Георгий Победоносец*.

Преобладает религиозная лексика, которая продуцирует общехристианские смыслы – ‘борьба’ и ‘страдание’. Страдания Христа воплощены в образах *Христовых ран, истерзанного храма, геройской смерти*. Но это страдания, которые переносятся простыми людьми, бойцами – *Мы лежим под стеною ниц, / Все измазанные, как черти. Измазанные, как черти* – фразеологизм, в котором отражено наивное воплощение сказочной нечистой силы.

Широко представлена перцептивная лексика, которая подчеркивает текстовую оппозицию «свои / чужие». «Язык, как один из основных инструментов познания, концептуализации и категоризации окружающего мира, помогает нам свести воедино и обобщить всю информацию, поступающую через зрение, слух, осязание, обоняние и вкус, то есть знания, приобретенные в результате восприятия мира органами чувств (чувственный опыт), а также знания, полученные путем предметной деятельности и мыслительных операций» [2, с. 27].

В стихотворении Д. Маматова «Бой за церковь» доминируют звуковые образы, по словам А.В. Мансуровой, «воссозданные в аспекте звучания мирообраза писателя» [8, с. 4]. При передаче звукового модуса перцепции поэт прибегает к глаголу, обозначающему звук особого качества, издаваемый предметом: *От разрывов дрожит алтарь*. Немаловажное значение в организации слухового восприятия играют существительные с семой ‘звук’. В стихотворении это существительное, обозначающее звуки особого качества и способ их распространения: *Под снарядный утробный свист*. В данном контексте употребляется оксюморон – *утробный свист*. Обычно лексема *свист* ассоциируется с громким звуком. Здесь же, исходя из лексических толкований слов *утробный* и *свист*, представлен глухой звук.

*Свист*, -а, м. 1. Резкий и высокий звук, производимый без участия голоса (через неплотно сомкнутые губы или при помощи специального приспособления). Издавать с. Пронзительный с. Художественный с. (искусство насвистывать мелодии) [11, с. 574].

*Утробный*, -ая, -ое; -бей, -бна. 1. ом. утроба. 2. черен. О звуке: глухой и низкий. У. смех. У. голос [11, с. 689].

Также в тексте встречается существительное, связанное со звучанием и пением – *колокол*: *Веций колокол тяжело свис*. В данном микроконтексте значимо отсутствие божественного звука: *колокол свис*, то есть колокол замолчал, перестал звонить.

Созданию полного полифонического звукового образа орудийных снарядов способствует нанизывание звуков: *бьют по церкви прямой наводкой, под снарядный утробный свист, веций колокол тяжело свис, от разрывов дрожит алтарь, и работает наш «Дегтябрь»*.

Несмотря на то, что тактильное восприятие, по словам Ю.Д. Апресяна, «не осознается носителями языка как ведущее» [1, с. 364], в стихотворении Д. Маматова осязательный модус перцепции представлен метафорическим образом *пожар войны: Разгулялся пожар войны*. В данном контексте в лексема *пожар* сливаются основное и переносное значения.

*Пожар*, -а, м. 1. Пламя, широко охватившее и уничтожающее что-н. Лесной п. Тушить п. Как на п. бежать (очень быстро, поспешно; разг.). Не на п. (некуда торопиться, успеет; разг.). 2. перен., чего. Употр. в некоторых выражениях для обозначения бурно развивающихся событий большого общественного значения (высок.). П. войны [11, с. 443].

Метафорический образ *пожар войны* вызывает тактильное ощущение жара, пекла, духоты, то есть температурного воздействия на субъект восприятия. В сознании читателя возникает образ чего-то яркого – красного – связанного с угрозой, опасностью.

При воссоздании обонятельного образа восприятия Д. Маматов использует существительное *гарь*: *Гарь ползет над рублевским миром*. В данном микроконтексте, прежде всего, привлекает внимание метафора *рублевский мир*. Несомненно, речь идет об иконе Андрея Рублева «Троица», на которой изображены три ангела, олицетворяющих триединое начало Бога – Отец, Сын и Святой Дух. Ангелы беседуют о том, как спасти мир. Это особенно актуально в переломный момент Великой Отечественной войны – во время Прохоровского сражения. Показательно также олицетворение – *гарь ползет*.

В данных микроконтекстах делается упор на то, что чужие, немецкие захватчики, являются так называемым «войском сатаны». А то, что входит в концептосферу *своего*, всегда приносит спокойствие и умиротворение: *И лучится с библейских лиц / Вдохновенье героической смерти*. В противовес этому *чужой* беспокоит, терзает и волнует: *От разрывов дрожит алтарь, / Гарь ползёт над рублёвским миром*.

Границы между «своими / чужими» в стихотворении Д. Маматова прослеживаются довольно четко. Своеобразным пространственным ориентиром, делящим действительность на «чужих» и «своих», является образ *церкви*, особого пространственного объекта, являющегося объединяющим началом стихотворения. Лексема *церковь* введена в заглавие, поэтому образ храма выходит на первый план. Церковь в стихотворении является символом православной России, чьи духовные ценности были поруганы немецкими захватчиками.

Церковь выступает особым сакральным пространственным объектом, хранящим духовные ценности, передающиеся из поколения в поколение. Представление о церкви непримиримо отделяет «своих» от «чужих». *Свои* предстают в стихотворении под сводами *истерханного божьего храма*, над которым *вещий колокол тяжело свис*. *Чужими* выступают немецкие захватчики, с приходом которых *пыль течёт по Христовым ранам*.

Таким образом, в стихотворении Д. Маматова «Бой за церковь» актуализируются следующие доминантные компоненты концепта «Война», обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: «смерть» (*И лучится с библейских лиц / Вдохновенье героической смерти*), «пожар» (*Разгулялся пожар войны*), «сатана» (*Словно с ведома сатаны*), «черти» (*Все измазанные, как черти*), «пыль» (*Пыль течет по Христовым ранам*), «гарь» (*Гарь ползет над рублевским миром*), «бой» (*И ведет в рукопашный бой*), «страдание» (*Истерзанный божий храм*). Примечателен микроконтекст *И лучится с библейских лиц / Вдохновенье героической смерти* с оксюмороном – *лучится смерть*. Семантика глагола 'лучиться' связана с выражением чувства удовольствия, радости, счастья и т.п. Здесь же *лучится смерть*.

Таким образом, концепт «Война» включает в свою семантику ряд вариативных концептов, которые обозначают разные грани трагического и отражают трагические проявления войны. Данный концепт является организующим центром авторского сознания.

Упование на Бога и добросовестное исполнение порученного дела являются основой бытия героев стихотворения. Несмотря на то, что они *все измазанные, как черти*, а с икон *лучится вдохновенье героической смерти*, тем не менее, солдаты

*поднимаются над собой / Каски к низу до переносиц, / И ведет в рукопашный бой / Нас  
Георгий Победоносец!*

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М.: ГНОЗИ, 1994. – 612 с.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003 – 347 с.
5. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 141-171.
6. Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.
7. Маматов Д.А. Добро: стихи / Д.А. Маматов. – Белгород, 1991. – 181 с.
8. Мансурова А.В. Поэтика звукообразов в лирике М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... канд. филол.н. / А.В. Мансурова. – Томск, 2004. – 18 с.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 266 с.
10. Мейлах Б.С. Философия искусства и художественная картина мира / Б.С. Мейлах // Вопросы философии. – 1983. – № 7. – С. 116-125.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 59 с.

*I.I Chumak-Zhun, L.V. Proskurnina*

#### ***METAPHORICAL IMAGES OF THEIR OWN AND OTHERS IN THE ARTISTIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF THE BELGOROD POETRY)***

The article is devoted to the cognitive study of metaphorical images of one's and another's in the artistic discourse. The concept of "War" in Belgorod poetry is analyzed. From the standpoint of cognitive semantics metaphorical images of their own and others are considered as a means of conceptualization of reality and reflection of the picture of the world that exists in the minds of Russian culture.

**Key words:** *artistic discourse, metaphorical image, target domain, mental model, Belgorod poetry*

**УДК 81'23**

*А.П. Гейко*

*МОУ «Петровская общеобразовательная школа»  
администрации Старобешевского района*

#### **СУРЖИК КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПОЛУЯЗЫЧИЯ**

В статье рассматриваются региональные особенности русского языка жителей Донецкого края, обосновывается мнение, что условия русско-украинской интерференции стали причиной языкового явления суржик. Актуальность темы в